

На правах рукописи

Крутько Андрей Андреевич

**ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА
СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
ЕВРАЗИЙСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ**

Специальность 23.00.04 – политические проблемы
международных отношений, глобального
и регионального развития

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
доктора политических наук

Бишкек – 2019

Работа выполнена на кафедре истории и культурологии
Государственного образовательного учреждения
высшего профессионального образования
«Киргизско-Российский Славянский университет»

Научный консультант: *Хопёрская Лариса Львовна*, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры международных отношений Киргизско-Российского Славянского университета.

Официальные оппоненты: *Рудов Георгий Алексеевич*, доктор политических наук, профессор, главный научный сотрудник Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России; *Пряхин Владимир Фёдорович*, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики Российского государственного гуманитарного университета; *Ладыгина Ольга Владимировна*, доктор философских наук, доцент, заведующая кафедрой культурологии Российско-Таджикского (Славянского) университета.

Ведущая организация: кафедра политической теории Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России.

Защита состоится « 25 » июня 2019 г. в 14:00 час. на заседании диссертационного совета Д 730.001.07 по историческим и политическим наукам, созданного на базе Киргизско-Российского Славянского университета по адресу: 720065, г. Бишкек, просп. Чуй, 44, каб. 226.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Киргизско-Российского Славянского университета по адресу: г. Бишкек, ул. Киевская, 44 – и на сайте: https://krsu.edu.kg/media/com_krsu/synopsis/346-krutko_dis.pdf

Автореферат разослан *25.06.2019* 2019 г.

Учёный секретарь *Т.Ф. Кравченко* Кравченко Тамара Фёдоровна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность теоретического осмысления внешней политики России на современном этапе обусловлена рядом практических политических и аналитических причин. Прежде всего, начиная с 2014 г. резко изменился характер международных отношений, когда начался серьёзный кризис в отношениях между Россией и государствами Запада. США и их союзники взяли курс на сдерживание России, оказание на неё политического, экономического, информационного и иного давления через систему разнообразных санкций, вызванных вхождением Крыма в состав РФ и её позицией в украинском вопросе. Ответное заявление России о том, что с политикой умиротворения Запада в ущерб её национальным интересам покончено, вызвало ещё большую напряжённость.

Нестабильность мировой политической и экономической системы, которая проявляется в событиях на Украине, на Ближнем Востоке, особенно в Сирии, в проблемах Европейского союза, миграционном кризисе, несостоятельности политики мультикультурализма, росте угроз распространения международного терроризма и экстремизма, снижении значения международного права, привела к возрастанию роли фактора силы в международных отношениях. Вопрос о том, каковы его дальнейшие перспективы, остаётся открытым.

В то же время динамизм становления полицентричного мира, стремительный выход на международную арену Китая и других стран Азиатско-Тихоокеанского региона, изменение позиции Турции, новый статус Ирана, формирование интеграционных объединений на евразийском пространстве ставят вопросы о том, какие ресурсы внешней политики, наряду с силой, являются определяющими, какие приоритеты способны обеспечить эффективность защиты национальных интересов и ценностей незападных государств.

Попытки осмысления проблем современной системы международных отношений предпринимаются учёными самых разных направлений и взглядов, что, тем не менее, пока не позволяет в полной мере объяснять происходящие процессы.

Теоретический аспект актуальности выражается в доказательстве того, что понятие «мировой порядок» относится к наиболее эффективным исследовательским инструментам современной политической науки, позволяющим раскрыть внешнеполитическую мотивацию государств. По мнению автора, концептуальная (идеологическая) ориентация государств на биполярный, однополярный или многополярный мир детерминирует их внешнеполитические приоритеты.

Сложившаяся в конце XX – начале XXI вв. международно-политическая реальность характеризуется повышением экономического потенциала и политического влияния новых центров мирового роста, к которым, в первую очередь, относятся страны БРИКС и ШОС. Трансформация системы международных отношений, переход к принципу многоцентричности требует рассмотрения не только теоретических конструктов, но и актуальных внешнеполитических подходов США и России к пониманию мирового порядка.

Проблемная ориентированность исследования на реальные внешнеполитические практики, при анализе которых пока доминирует описательный подход, обеспечивает практический аспект актуальности работы.

Практический аспект актуальности представленной работы также связан с анализом использования такого инструмента внешней политики США и Российской Федерации, как стратегическое присутствие. Оно рассмотрено автором как комплекс военных, экономических, гуманитарных, информационных, научно-образовательных и всех других аспектов межгосударственных отношений, представляющих собой единый феномен.

Внешняя политика России ориентирована на евразийскую интеграцию, являющуюся условием построения новой полицентричной модели мироустройства.

Поскольку предметом исследования выступают внешнеполитические, в частности евразийские, приоритеты России, несомненный интерес представляет сравнительный анализ различных редакций Концепции внешней политики Российской Федерации (1993, 1996, 2000, 2008, 2013 и 2016 гг.). Декларируемые в них национальные интересы и ценности, оценка

международной ситуации, самоопределение места государства в системе международных отношений, выдвижение внешнеполитических приоритетов отражают трансформацию его внешнеполитического курса. Актуальность такого анализа обусловлена тем, что позволяет выделить специфику современного этапа и наглядно продемонстрировать смену внешнеполитических приоритетов России.

В этом контексте востребован тщательный содержательный анализ евразийских приоритетов внешней политики Российской Федерации. В частности, обоснование того, почему Россия считает ключевой задачей углубления и расширения интеграции в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС), исходя из того, что ЕАЭС способен сыграть важную роль в деле гармонизации интеграционных процессов в Европейском и Евразийском регионах. На этом основании она ведёт дело к сопряжению процессов европейской и евразийской интеграции, добиваясь формирования «общего, открытого и недискриминационного экономического партнёрства – пространства совместного развития государств-членов АСЕАН, ШОС и ЕАЭС»¹, ставя цель обеспечения взаимодополняемости интеграционных процессов в Азиатско-Тихоокеанском и Евразийском регионах.

С практической точки зрения весьма актуальным представляется изучение опыта реализации евразийских приоритетов внешней политики Российской Федерации в политико-дипломатической, экономической и военно-стратегической сферах. Институционализация евразийского интеграционного проекта требует различных инструментов, методов и технологий, обобщение использования которых может способствовать выявлению их эффективности путём оценки уже достигнутых результатов. В частности, актуальным представляется рассмотрение военно-политического сотрудничества, которое выступает необходимым условием реализации евразийского интеграционного проекта.

¹ Выступление Президента России В. В. Путина на Международном форуме «Один пояс, один путь» (14.05.2017) // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/54491>

Не менее значимым выступает исследование роли «мягкой силы» России в реализации евразийских приоритетов, действие которой осуществляется через межгосударственное сотрудничество бизнес-сообществ, а также в гуманитарной, культурной, образовательной и научной сферах.

Несомненно актуальным является изучение конкретных примеров участия гражданского общества в евразийском интеграционном проекте, выявление роли и функций его различных институтов, в частности, экспертного сообщества, консультативных общественных структур, некоммерческих организаций международной направленности, волонтерского движения и других организаций и объединений.

В настоящее время происходит углубление евразийской интеграции за счёт её выхода на региональный и муниципальный уровень, формируется новое звено в институциональной инфраструктуре евразийской интеграции. Поэтому актуальным и с теоретической, и с практической точки зрения представляется рассмотрение динамики и перспективных направлений развития российско-киргизских отношений в условиях евразийской интеграции. Значимость её регионального измерения доказывают принципиально новые возможности и формы партнёрства, появившиеся в связи с вступлением Киргизской Республики в Евразийский экономический союз: деятельность Российско-Киргизского фонда развития; ежегодное проведение российско-киргизских межрегиональных конференций, взаимодействие на межмуниципальном международном уровне.

Перечисление выделенных аспектов проблемы свидетельствует о том, что необходим системный и комплексный анализ подходов, сфер и инструментов реализации евразийских приоритетов в современной внешней политике России, который проделан в данной работе.

Степень научной разработанности проблемы. Разработанность заявленной темы в значительной мере определяется степенью разработанности теории международных отношений и внешнеполитической проблематики в целом. С точки зрения автора, особое значение имеют теоретические выводы, содержащиеся в работах таких российских исследователей, как Т. А. Алексеева,

А. В. Мальгин, Ю. А. Никитина, А. Г. Олейнов, С. С. Судаков, А. В. Торкунов, А. В. Кокошин, А. Д. Богатуров, И. А. Василенко, М. М. Лебедева, П. А. Цыганков, Г. А. Дробот, А. И. Слива, А. В. Лукин, Н. А. Косолапов, М. А. Хрусталёв, И. С. Иванов, В. А. Ачкасов, С. А. Ланцов, А. А. Борисенков и др.¹

К числу зарубежных авторов, внёсших заметный вклад в развитие теории международных отношений, принадлежат Х. Булл, Р. Снайдер, Х. Брук, Б. Сапин, В. Хадсон, Дж. Фридман, Дж. Най, Дж. Розенау, Г. Спроут и М. Спроут, Д. Сингер, Р. О. Кеохейн, М. ван Кревельд, Г. Моргентгау, Т. Парсонс, С. У. Ларсен и др.²

¹ Концептуализация международных отношений / Т. А. Алексеева, А. В. Мальгин, Ю. А. Никитина, А. Г. Олейнов, С. С. Судаков // Современные международные отношения: Учеб. / Под ред. А. В. Торкунова, А. В. Мальгина / МГИМО (У) МИД России. – М.: Аспект Пресс, 2018; Кокошин А. В., Богатуров А. Д. Мировая политика: теории, методы, прикладной анализ. – М., 2011; Василенко И. А. Геополитика современного мира. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юрайт, 2010; Лебедева М. М. Мировая политика в XXI веке: акторы, процессы, проблемы: Учеб. пос. для вузов. – М.: Изд-во МГИМО, 2009; Международные отношения: теории, конфликты, движения, организации / П. А. Цыганков, Г. А. Дробот, М. М. Лебедева, А. И. Слива и др.; Под ред. П. А. Цыганкова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Альфа-М; Инфра-М, 2011; Никитина Ю. А. Международные отношения и мировая политика: введение в специальность: Учеб. пос. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2014; Новые международные отношения: основные тенденции и вызовы для России / Под ред. А. В. Лукина. – М.: Междунар. отнош., 2018; Очерки теории и политического анализа международных отношений / А. Д. Богатуров, Н. А. Косолапов, М. А. Хрусталёв. – М.: Изд-во НОФМО, 2002; Современная наука о международных отношениях за рубежом: Хрестоматия: В 3 т. / Под общ. ред. И. С. Ивалова. – М.: НП РСМД, 2015; Ачкасов В. А., Ланцов С. А. Мировая политика и международные отношения. – М.: Аспект Пресс, 2011; Современная мировая политика: прикладной анализ / Под ред. А. Д. Богатурова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2010; Торкунов А. В. Международные отношения после косовского кризиса // Международная жизнь. – 1999. – № 12; Борисенков А. А. О некоторых особенностях внешней политики // Социодинамика. – 2012. – № 1. – С. 55–79 // URL: http://e-notabene.ru/pr/article_156.html

² Bull H. The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics. 3rd ed. – Columbia Univ. Press, 2002; Gilpin R. War and Change in World Politics. – New York, 1981; Snyder R., Bruck H., Sapin B. Decision-Making as an Approach to the Study of International Politics. – Princeton: Princeton Univ. Press, 1954; Friedman G. The Geopolitics of the United States. Part 1: The Inevitable Empire. – Stratford, 2015; Hudson V. Foreign Policy Analysis: Classic and Contemporary Theory. – Lanham: The Rowman and Littlefield Publishing Group, 2007; Nye J. Soft Power: The

Приоритеты внешней политики невозможно осмыслить без глубокого научного анализа оснований внешней политики, понимаемой как зарубежная деятельность государства, который осуществлён в работах А. Ю. Мельвиля, Н. А. Косолапова, М. М. Лебедевой, П. А. Цыганкова, А. В. Гукасова, В. В. Павлова, Т. А. Алексеевой, А. А. Казанцева, С. А. Караганова, В. Ф. Пряхина и др.¹ Наиболее близким к заявленной теме выступает подход М. Л. Кардановой, рассматривающей внешнюю политику XXI века как политику приоритетов².

Means to Success in World Politics. – New York: Public Affairs, 2004; *Rosenau J.* The Study of World Politics: Theoretical and Methodological Challenges. – New York: Routledge, 2006; *Sprout H., Sprout M.* Man-Milieu Relationship Hypotheses in the Context of International Politics. – Princeton: Princeton Univ. Press, 1956; *Singer D.* The Level-of-Analysis Problem in International Relations // *World Politics*. – 1961. – № 1; Мировая политика и международные отношения в 1990-е годы: взгляды американских и французских исследователей / Пер. с англ. и фр.; Под ред. М. М. Лебедевой и П. А. Цыганкова. – М.: Моск. общест. науч. фонд, 2001; *Keohane P. O.* Международные отношения: вчера и сегодня // Политическая наука: новые направления. – М., 1999; *Кревельд М. ван.* Расцвет и упадок. – М.: Изд-во ИРИСЭН, 2006; *Morgenthau G.* Международная политика // Антология мировой политической мысли. – Т. 2. – М., 1997; *Парсонс Т.* Система современных обществ. – М., 1997; *Розенану Дж.* Мировая политика в движении: Теория изменений и преемственности. – М.: Изд-во ИНИОН, 1992; Теория и методы в современной политической науке / Под ред. С. У. Ларсена. – М.: РОССПЭН, 2009.

¹ Политология / Авт. кол. под рук. проф. А. Ю. Мельвиля. – М., 2010; *Косолапов Н. А.* Анализ внешней политики: основные направления исследований // Внешняя политика и безопасность современной России. 1991–2002: Хрестоматия: В 4 т. – М.: Изд-во МГИМО, 2002; *Лебедева М. М.* Внешняя политика: вопросы теории и практики / Под ред. П. А. Цыганкова. – М.: Изд-во МГУ, 2009; Внешняя политика России в условиях глобальной неопределенности: Монография / Под ред. П. А. Цыганкова. – М.: Русайнс, 2015; *Гукасов А. В.* Теоретические основы анализа внешней политики современных государств // URL: https://pglu.ru/upload/iblock/978/uch_2014_x_03.pdf; *Павлов В. В.* Основные теоретические подходы к анализу внешней политики государства // Вопросы политической науки: Мат-лы II Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, июль 2016 г.). – СПб.: Своё изд-во, 2016; *Алексеева Т. А., Казанцев А. А.* Внешнеполитический процесс: сравнительный анализ. – М.: Аспект Пресс, 2012; *Караганов С. А.* Международные тенденции и российская внешняя политика // Новые международные отношения: основные тенденции и вызовы для России / Под ред. А. В. Лукина. – М.: Междунар. отнош., 2018. – С. 12–29; *Пряхин В. Ф.* Глобализация и мировоззренческие аспекты внешней политики // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2017. – № 1 (36). – С. 112–121 и др.

² *Карданова М. Л.* Внешняя политика современных государств как политика приоритетов // Вопросы политологии. – 2018. – Вып. 9 (37). – Т. 8. – С. 688–694.

Этот подход даёт возможность определить детерминанты внешнеполитических приоритетов современных государств с помощью концепции мирового порядка как способа организации международной жизни. В этом блоке исследования автор опирался на работы западных учёных Х. Булла, Р. Гилпина, Л. Миллера, Дж. Айкенберри, З. Бжезинского, К. Лэйна и Г. Киссинджера, А. Л. Янова¹, а также известных российских политологов Э. Я. Баталова, А. Д. Богатурова, Т. В. Андриановой, В. Г. Барановского, М. М. Лебедевой, А. В. Лукина, А. В. Кортунова, В. В. Перской, Е. В. Романовой, А.-М. В. Соляновой, Х. А. Султыгова и др.².

¹ *Bull H.* The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics...; *Gilpin R.* War and Change in World Politics...; *Miller L.* Global Order. Values and Power in International Politics. – Boulder, 1994; *Ikenberry G. J.* After Victory: Institutions, Strategic Restraints, and the Rebuilding of Order After Major Wars. – Princeton, 2001; *Layne Ch.* The Unipolar Illusion: Why New Great Powers Will Rise // *International Security*. – Spring, 1993. – Vol. 17. – № 4; *Айкенберри Дж.* Будущее либерального мирового порядка / РСМД (9 августа 2016) // URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/budushchee-liberalnogo-mirovogo-poryadka/>; *Бжезинский З.* Великая шахматная доска: Господство Америки и его геостратегические императивы. – М.: Междунар. отнош., 1998; *Киссинджер Г.* Мировой порядок (изд. на рус. яз.). – AST Publishers, 2015 // URL: <https://www.litres.ru/static/or4/view/or; Янов А. Л. Миф либерального миропорядка? // URL: https://snob.ru/profile/11778/blog/139233>

² *Андрианова Т. В.* Геополитические теории XX века: Социально-философское исследование. – М.: Директ-Медиа, 2014; *Барановский В. Г.* Структурные изменения глобального миропорядка // Современная политическая наука: Методология: Науч. изд. / Отв. ред.: О. В. Гамаи-Голутвина, А. И. Никитин. – М.: Аспект Пресс, 2018. – С. 571–572; *Баталов Э. Я.* «Новый мировой порядок»: к методологии анализа // Полис. Политические исследования. – 2003. – № 5. – С. 25–37; *Богатуров А. Д.* Современный международный порядок // Международные процессы. – 2003. – № 1. – С. 6–23; *Лебедева М. М.* Мировой (бес)порядок: сценарии дальнейшего развития // Политика развития, государство и мировой порядок: Мат-лы VIII Всерос. конгресса политологов, Москва, 6–8 декабря 2018 г. / Под общ. ред. О. В. Гамаи-Голутвиной, Л. В. Сморгунова, Л. Н. Тимофеевой. – М.: Аспект Пресс, 2018; *Лукин А. В.* Постбиполярный мир: рождение нового миропорядка или погружение в хаос? // Новые международные отношения: основные тенденции и вызовы для России / Под ред. А. В. Лукина. – М.: Междунар. отнош., 2018. – С. 30–51; *Кортунов А. В.* Невозможность странного мира / РСМД (15 июля 2016) // URL: http://old.russiancouncil.ru/inn_cr?id_4=7930#top-content; *Перская В. В.* Многополярность и национальные интересы в современном мире // Труды Вольного экономического общества России. – М.: Изд-во Вольного эко-

Вопрос о миропорядке – один из самых острых и неоднозначных, поскольку «главным направлением социальных трансформаций, имеющих планетарный характер, является достижение нового порядка распределения и распоряжения имеющимся совокупным мировым богатством»¹. Дискуссии о новом миропорядке отражены в работах Дж. Ная-мл., А. В. Лукина, Т. А. Шакленной, А. А. Байкова, А. И. Уткина, В. О. Беклямишева, Ю. П. Давыдова, В. В. Перской, М. А. Эскиндарова, В. Ф. Пряхина, Э. Г. Соловьёва, В. В. Тульчеева, С. В. Жеворы, Н. Н. Гордиенко, И. А. Шпилько и др.².

ном. общ-ва России. – 2018. – Т. 210. – № 2. – С. 268–284; Раманова Е. В. Трактат «Европейского концерта» в британской и американской историографии // Вестник МГИМО-Университет. – 2016. – № 1 (46). – С. 7–17; Солянова М. В. Проблема мирового порядка в современных западных исследованиях // Вестник МГИМО-Университет. – 2016. – № 5 (50). – С. 34–47; Сулятьгов А.-Х. А. Доктрина Трампа: от гегемонии в Западном блоке к сбалансированному лидерству Америки в многополярном мире // Вестник Российской науки. – 2018. – № 3. – С. 259–279; Шпилько И. А. Страны БРИКС объединяются для строительства справедливого многополярного мира // Вопросы международных отношений: Евразийский союз. – 2017. – № 1 (19). – С. 104–112.

¹ Гусева Н. В. К рассмотрению оснований и принципов формирующегося миропорядка и интеграционных процессов в современном мире // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество: Ежегодник. – Вып. 1. – Ч. 2 / ИНИОН РАН; Отв. ред. В. И. Герасимов. – М., 2018. – С. 69.

² Най Дж.-мл. Уцелеет ли либеральный миропорядок? // Россия в глобальной политике. – 2017. – № 2 // URL: <https://globalaffairs.ru/number/Uteleet-li-liberalnyi-mirovyy-poryadok-18651>; Лукин А. В. Постбиполярный мир: рождение нового миропорядка или погружение в хаос? // Новые международные отношения: основные тенденции и вызовы для России / Под ред. А. В. Лукина. – М.: Междунар. отнош., 2018. – С. 30–51; Мегатренды: Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI в.: Учеб. / Под ред. Т. А. Шакленной, А. А. Байкова. – М.: Аспект Пресс, 2013; Уткин А. И. Мировой порядок XXI века. – М.: Алгоритм, 2001; Беклямишев В. О. Теория многополярности в идеологии международного клуба БРИКС // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история: Сб. ст. по мат-лам XXXI междунар. науч.-практ. конф. – № 11 (31). – Новосибирск: Изд-во СибАК, 2013; Давыдов Ю. П. Расширение зоны ответственности атлантического мира // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2000. – № 3; Перская В. В. Взаимодействие стран БРИКС – инициатива перехода к новому мировому порядку // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество: Ежегодник. – Ч. 2... – М., 2018. – С. 298–301; Перская В. В., Эскиндаров М. А. Многополярность: институты и механизмы согласования национальных интересов. – М.: КноРус, 2018; Пряхин В. Ф. Вместе к полицентричному миру: китайское направление во внешней политике России // Вопросы политологии. –

Важнейшим инструментом построения и поддержания определённого миропорядка является стратегическое присутствие, дефиниция которого предложена автором диссертации¹. При его разработке и проведении сравнительного анализа стратегического присутствия США и России использовались публикации В. Н. Носова, В. В. Романова, И. В. Михайлова, И. В. Зеленовой, О. Мельниковой, Е. Ю. Наташкиной, А. Ю. Слепухина, З. Д. Пангиреевой, Р. Р. Каирбековой, Л. Л. Хопёрской, В. Ванчугова, Ю. А. Никитиной и др.².

2014. – № 3 (15). – С. 108–121; Соловьёв Э. Г. Возвращение истории – конец эры либерализма? // Международная жизнь. – 2015. – № 12. – С. 63–75 // URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1416>; Тульчеев В. В., Жевора С. В., Гордиенко Н. Н. Геополитическое и геоэкономическое развитие России в многополярном мире // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество... – М., 2018. – С. 199–204; Шпилько И. А. Страны БРИКС объединяются для строительства справедливого многополярного мира // Вопросы международных отношений: Евразийский союз. – 2017. – № 1 (19). – С. 104–112.

¹ Крутько А. А. Стратегическое присутствие России на евразийском пространстве // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2018. – № 4. – С. 395–406.

² Носов В. Н. Военное присутствие как инструмент внешней политики России и США. – Бишкек: Изд-во КРСУ, 2010; Романов В. В., Михайлов И. В. Вильсонизм как внешнеполитическая и правовая доктрина современных международных отношений // Правовые доктрины современности: Монография / Под общ. ред. Р. В. Пузикова, А. Б. Бекмагамбетова. – Костанай: New Line Media, 2018; Зеленова И. В. История экономического присутствия Российской Федерации и Китайской Народной Республики в Центральной Азии (1991–2008 гг.) // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 12 (91); Крутько А. А. Образовательная интеграция на пространстве СНГ: институты и форматы // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета (КРСУ). – 2018. – Т. 18. – № 5; Мельникова О. Средства и методы обеспечения информационного сопровождения внешней политики государства // Международная жизнь. – 2017. – № 5; Наташкина Е. Ю., Слепухин А. Ю. Российское высшее образование в контексте интеграционных процессов // Власть. – 2016. – № 6; Пангиреева З. Д., Каирбекова Р. Р. Особенности внешней политики США на современном этапе // Актуальные вопросы общественных наук: Социология, политология, философия, история: Сб. ст. по мат-лам XII междунар. науч.-практ. конф. – Новосибирск: Изд-во СибАК, 2012; Хопёрская Л. Л. Научное сотрудничество России и Таджикистана: история и современное состояние // Культурное наследие России. – 2016. – № 3; Ванчугов В. Военные базы. Цели и задачи // URL: <http://www.humanities.edu.ru/db/msg/80103>; Никитина Ю. А. Взаимодействие в рамках ОДКБ: проблемы консенсуса (анализ оценок западных экспертов) // URL: <http://eurasian-defence.ru/?q=node/170>

Поскольку в задачи диссертационной работы входит обоснование выбора евразийских приоритетов внешней политики Российской Федерации, автор обратился к трудам, отражающим трансформацию внешней политики России, её актуальное состояние и существующие проблемы. Это статьи и монографии видных дипломатов, учёных и публицистов С. В. Лаврова, Е. М. Примакова, И. С. Иванова, Г. А. Рудова, А. Н. Панова, Ю. И. Казанцева, В. П. Лукина, К. М. Барского, Д. В. Тренина¹.

Необходимо сделать важное замечание: соглашаясь с тем, что «многое в ТМО универсально и может быть полезным при осмыслении внешнеполитической стратегии, в том числе и незападных государств», считаем, что в вопросах изучения российской внешней политики представителями западной научной мысли «грань между научной теорией и внешнеполитической идеологией зачастую оказывается условной»². В первую очередь это замечание относится к исследованию процессов евразийской интеграции, которые на Западе зачастую рассматриваются как политический проект возрождения СССР, а большинством российских учёных оцениваются как важнейший фактор построения многополярного мира.

¹ Лавров С. В. Внешнеполитическая философия России // *Международная жизнь*. – 2013. – № 3 // URL: <https://interaffairs.ru/news/show/9274>; Примаков Е. М. *Международные отношения накануне XXI века: проблемы, перспективы // Внешняя политика и безопасность современной России. 1991–2002: В 4 т. Т. 1*. – М.: РОССПЭН, 2002; Иванов И. С. *Внешняя политика России и мир*. – М.: РОССПЭН, 2000; Рудов Г. А. *Своевременные прозрения // Международная жизнь*. – 2017. – № 10. – С. 166–169; Рудов Г. А. *Россия – наше всё // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer*. – 2014. – № 5 (292). – С. 116–124; Панов А. Н. *О Японии: Очерки и исследования дипломата*. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2014; Казанцев Ю. И. *Международные отношения и внешняя политика России (XIX в.)*. – Ростов-на-Дону: Феникс; Новосибирск: Сиб. соглашение, 2002; Лукин В. П. *Внешнеполитический курс постсоветской России: в поисках идентичности // Новые международные отношения: основные тенденции и вызовы для России / Под ред. А. В. Лукина*. – М.: *Международные отношения*, 2018. – С. 69–91; Барский К. М. «Восточный вектор» начертан Примаков // *Международная жизнь*. – 2016. – № 10. Октябрь; Тренин Д. В. *Внешняя политика России в ближайшие пять лет: цели, стимулы, ориентиры / Моск. центр Карнеги (28 апреля 2016) // URL: <https://carnegie.ru/2016/04/28/ru-pub-63462>*

² Алексеева Т. А. «Запад» и «не Запад» в пространстве теории международных отношений // *Вестник Российского университета дружбы народов (РУДН). Сер.: Международные отношения*. – 2017. – Т. 17. – № 2. – С. 218–226.

Наиболее интересными представляются работы таких авторов, как Я. В. Калиш, Т. А. Яшкова, О. В. Буторина и А. В. Захаров, А. Я. Капустин, А. А. Каширкина, Ж. М. Кембаев, Я. Д. Лисоволик, Н. Б. Пастухова, Л. Л. Хопёрская и В. А. Харченко, И. Федоровская и др.¹.

В последние годы евразийская интеграция всё чаще становится предметом специального анализа представителей не только экономической и политологической, но и исторической, социологической, философской, культурологической мысли. Вопросам образовательной, научной и культурной интеграции, а также гуманитарным аспектам, связанным с деятельностью институтов гражданского общества на евразийском пространстве, посвящены работы М. А. Казакова, К. Е. Макаровой, Г. А. Красновой, О. В. Ладыгиной и Д. М. Искандаровой, Т. Э. Мариносян, В. К. Нусратуллина и И. В. Нусратуллина, Л. Г. Титаренко, Л. Л. Хопёрской, Я. С. Яскевич и др.².

¹ Калиш Я. В. *Вызовы и перспективы евразийской интеграции: Монография*. – М.: ИНФРА-М, 2017; Яшкова Т. А. *Евразийская интеграция – приоритетное направление современной политики Российской Федерации // Россия и евразийское пространство: векторы развития: Колл. монография*. – М., 2017; Буторина О. В., Захаров А. В. *О научной основе Евразийского экономического союза // Евразийская экономическая интеграция*. – 2015. – № 2; Капустин А. Я. *Договор о Евразийском экономическом союзе – новая страница правового развития евразийской интеграции // Журнал российского права*. – 2014. – № 12; Каширкина А. А. *Евразийский экономический союз: расширение границ и правовая реальность // Журнал российского права*. – 2016. – № 11, ноябрь; Кембаев Ж. М. *Региональная интеграция в Евразии: основные признаки, проблемы и перспективы // Российский юридический журнал*. – 2016. – № 2. Март – апрель; Лисоволик Я. Д. *Образ ЕАЭС и достижения евразийской интеграции (22 августа 2018) // URL: <http://eurasian-studies.org/archives/97776>*; Пастухова Н. Б. *Перспективы, сущность и конституционно-правовые характеристики Евразийского союза // Lex Russica*. – 2016. – № 3, март; Хопёрская Л. Л., Харченко В. А. *Евразийская интеграция–2017: ресурсы и перспективы // Вестник КРСУ*. – 2017. – Т. 17. – № 9; Федоровская И. *Евразийская интеграция: проблемы и перспективы: Обзор мат-лов междунар. круглого стола (Москва, ИМЭМО РАН, 28 мая 2018 г.) // Россия и новые государства Евразии*. – 2018. – № 3 // URL: https://www.imemo.ru/files/File/magazines/rossia_i_novaya/2018_03/Fedorovskaya_Evraziyskaya.pdf;

² Казаков М. А., Макарова К. Е. *Российская публичная дипломатия: особенности практики в ЕАЭС // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество... – С. 85–88; Краснова Г. А. В России разработаны пять ключевых моделей экспорта образования // *Аккредитация образования: Инфоржм.-аналит. журн.* – 2017. – № 100 //*

В контексте евразийских исследований находится и проблема форм и механизмов расширения и углубления интеграции¹. Включение новых стран и целых регионов в евразийские интеграционные процессы, направленные на формирование Большого евразийского партнёрства, исследуют А. А. Байков, Е. А. Канаев, Вань Цинсун, С. Жильцов, Л. Пархомчик, Д. Слизовский, Н. П. Медведев, В. Ф. Пряхин, М. А. Эскиндаров и В. В. Перская и др.²

URL: http://akvobr.ru/v_rossii_razrabotany_pyat_model_ei_eksporta_obrazovaniya.html; *Ladygina O., Iskandarova D.* Cultural Potential of Eurasian Integration // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences *ErSBS*. – Vol. L. – 2018. – P. 1314–1321 // URL: <https://www.futureacademy.org>; *Маршосян Т. Э.* Деятельность славянских университетов как фактор укрепления единого гуманитарного и образовательного пространства государств-участников СНГ // URL: https://cyberleninka.ru/article/Nusratullin_V_K_Nusratullin_I_I_K_ponimaniyu_perspektiv_razvitiya_grazhdanskogo_sotsialno_orientirovannogo_obshchestva_v_Rossii_mire_i_Evrazii // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество... – С. 156–162; *Титаренко Л. Г.* Место и роль интеграции систем высшего образования в международном сотрудничестве стран ЕАЭС // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество: Ежегодник... – М., 2018. – С. 319–322; *Хопёрская Л. Л.* Роль элитных российско-таджикских коммуникаций в реализации евразийского интеграционного проекта // *Коммуникология*. – 2016. – Т. 4. – № 6. – С. 91–107; *Яскевич Я. С.* Особенности и гуманитарные аспекты евразийской интеграции на постсоветском пространстве // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество... – С. 232–236.

¹ Перспективы развития проекта ЕАЭС к 2025 году / Российский совет по международным делам. – Спец. вып. – М., 2017.

² *Байков А. А.* Интеграционизм в мировой политике // Современная политическая наука: Методология. – М.: Аспект Пресс, 2017; *Канаев Е. А.* Формирующееся евразийское измерение отношений России с АСЕАН // Новые международные отношения: основные тенденции и вызовы для России / Под ред. А. В. Лукина. – М.: Международные отношения, 2018. – С. 471–494; *Вань Цинсун.* «Евразийский момент»: Политика великих держав и конструирование нового евразийского пространства // Свободная мысль. – 2017. – № 1. Апрель // URL: <http://svom.info/entry/710-evrazijskij-moment-politika-velikih-derzhav-i-kons/>; *Жильцов С., Пархомчик Л., Слизовский Д., Медведев Н.* Центральная Азия на современном этапе: новая волна водно-энергетического сотрудничества и создания трубопроводной архитектуры // Центральная Азия и Кавказ: Журн. социально-полит. исследований. – 2018. – Т. 21. – Вып. 2 // URL: https://www.ca-c.org/journal/2018/journal_rus/cac-02/02.shtml; *Пряхин В. Ф.* Вместе к полицентричному миру: китайское направление во внешней политике России // Вопросы политологии. – 2014. – № 3 (15); *Эскиндаров М. А., Перская В. В.* Инициатива большого евразийского партнёрства – новый подход формирования международных отношений в рамках одного континента на основе сложившихся международных правовых норм и правил // Мир новой экономики. – 2017. – № 4.

Наиболее заметное место в корпусе новейших публикаций по проблемам евразийской интеграции принадлежит фактически энциклопедическому изданию – ежегоднику «Большая Евразия», две части которого вышли в 2018 г.¹. Несмотря на обилие материала, следует отметить значимость для нашей работы опубликованных во второй части сборника статей С. Ш. Аязбековой, В. В. Балытникова, М. Д. Валовой, Р. С. Голованова, А. И. Емельянова, С. Ю. Казеннова и В. Н. Кумачева, Д. В. Козлова, А. И. Лойко, А. Н. Михайленко, А. И. Пальцева, Г. В. Петровой, С. Е. Ракова, В. Л. Римского, Н. В. Ступакова, Е. Б. Стародубцева².

Новейшим направлением развития интеграционных процессов является углубление двустороннего сотрудничества государств в рамках интеграционных объединений, формирование нового звена евразийской интеграции на региональном и муниципальном уровне. Публикаций, посвящённых этому

¹ Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество: Ежегодник. – Вып. 1. – В 2 ч. / ИНИОН РАН; Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В. И. Герасимов. – М., 2018.

² *Аязбекова С. Ш.* «Большая Евразия» в цивилизационном контексте: история и современность. – С. 569–577; *Балытников В. В.* Евразийская интеграция: цивилизационный подход. – С. 36–41; *Валова М. Д.* Евразийская интеграция: от теории к практике. – С. 49–53; *Голованов Р. С.* Стратегическое позиционирование интеграционного проекта элитами государств-членов ЕАЭС. – С. 59–62; *Емельянов А. И.* Особенности развития БРИКС в начале XXI века. – С. 254–256; *Казеннов С. Ю., Кумачев В. И.* Россия в Большой Евразии: Установка для геополитики. – С. 89–91; *Козлов Д. В.* Евразийская интеграция и цивилизационное самоопределение России: правовой аспект. – С. 92–94; *Лойко А. И.* Большая Евразия в условиях кризиса экономической парадигмы глобализации. – С. 112–114; *Михайленко А. Н.* Сопрежение евразийской интеграции и китайского проекта «Один пояс – один путь». – С. 275–279; *Пальцев А. И.* Евразийский тип российской государственности. – С. 167–168; *Петрова Г. В.* Международно-правовые и национальные регуляторы роста конкурентоспособности экономик государств Большой Евразии, роль «мягкой силы» и «мягкого права» в интеграционных процессах. – С. 174–176; *Раков С. Е.* Цель и ценности Большой Евразии. – С. 177–181; *Римский В. Л.* Для получения преимуществ от большого евразийского партнёрства России необходимо решить свои внутренние проблемы. – С. 182–185; *Ступаков Н. В.* Формирование архитектуры Большой Евразии как трансконтинентального пространства многополярного мира для развития сотрудничества евразийских государств и обеспечения международной и региональной безопасности. – С. 195–198; *Стародубцева Е. Б.* Евразийский экономический союз: тенденции и перспективы развития. – С. 315–318.

направлению, пока явно недостаточно. Тем не менее в качестве основы дальнейшего исследования могут использоваться статьи, в которых на конкретных примерах продемонстрированы первые результаты и новые возможности развития отдельных территорий и отраслей, появившиеся после вступления государств в ЕАЭС. Поскольку автор изучал эти процессы на материалах Киргизской Республики, то и список публикаций ограничивается её тематикой¹.

Проведённый обзор разработанности проблемы позволяет сделать следующие выводы. Несмотря на появление в печати большого количества публикаций, касающихся различных аспектов евразийской внешней политики Российской Федерации, комплексное исследование, включающее анализ трансформации внешней политики России, детерминантов выбора евразийских приоритетов, характеристику институционального расширения и углубления интеграции, обобщение и классификацию инструментов и технологий её осуществления в политико-дипломатической, экономической, военно-стратегической, гуманитарной, культурной, образовательной и научной сферах, пока отсутствует. Именно это обусловило обращение автора к данной проблеме.

Объект исследования – внешняя политика России, **предмет исследования** – подходы, сферы и инструменты реализации евразийских приоритетов внешней политики России.

¹ Акиев А. Д. Единый рынок услуг ЕАЭС: возможности и вызовы для Кыргызстана // Евразийская перспектива: новые источники экономического роста: Мат-лы науч.-практ. конф., посвящ. 25-летию КРСУ им. Б. Н. Ельцина. – Бишкек, 2019; *Имантурова Ж.* К вопросу импортозамещения в Кыргызстане // Там же; *Карпович С. Е.* Интеграция камнеобрабатывающего сектора Кыргызстана в рамках ЕАЭС. Точки роста // Там же; *Койчуманов Т. Д.* Кыргызстан и ЕАЭС: проблемы адаптации и возможности для роста // Там же; *Кошоев Т. С.* Влияние российских транснациональных корпораций на экономику стран евразийского экономического союза // Там же; *Жолдошбеков М.* Межрегиональное сотрудничество как актуальное направление кыргызско-российского сотрудничества (28.05.18) // URL: <http://kabar.kg/news/manas-zholdoshibekov-mezhregional-noe-sotrudnichestvo-kak-aktual-noe-napravlenie-kyrgyzsko-rossiiskogo-sotrudnichestva/>; *Зверев Р., Савин И., Беляев В.* Российско-киргизские отношения: история и современность // Россия и новые государства Евразии. – 2018. – № 1. – С. 106–125; О российско-киргизском экономическом сотрудничестве: Доклад Российско-Киргизского Делового совета. 2012 // URL: <http://rkbc.ru/media/files/doklad.pdf>

Целью представленной диссертации является комплексное исследование внешней политики Российской Федерации, включающее сравнительный анализ доктринальных политических документов на различных этапах формирования внешней политики России, обоснование выбора евразийских приоритетов на современной стадии развития государства, систематизацию технологий и методов их реализации в политико-дипломатической, экономической, военно-стратегической, гуманитарной, культурной, образовательной и научной сферах, обобщение практик бизнес-сообщества и институтов гражданского общества России в осуществлении евразийского интеграционного проекта.

Для достижения обозначенной цели планируется решение следующих исследовательских задач:

- рассмотреть концепцию миропорядка в качестве теоретико-методологической основы исследования внешней политики как зарубежной деятельности государства;
- охарактеризовать стратегическое присутствие как инструмент внешней политики;
- проанализировать трансформацию приоритетов внешней политики в концептуальных документах Российской Федерации;
- обосновать тезис о том, что евразийская интеграция выступает фактором построения нового миропорядка;
- представить характеристику образовательной и научной интеграции на евразийском пространстве;
- рассмотреть гражданское измерение евразийского интеграционного проекта;
- проанализировать состояние российско-киргизских отношений в контексте евразийской интеграции;
- охарактеризовать новые тенденции и направления стратегического партнёрства Российской Федерации и Киргизской Республики.

Научная новизна заключается в том, что в диссертации впервые в отечественной политической науке в рамках концепции мирового порядка предпринята попытка комплексного анализа евразийских приоритетов внешней политики

России в контексте противодействия усилению тенденции формирования однополярного мира при доминировании США. В частности:

– аргументировано, что концепция мирового порядка позволяет раскрыть детерминанты внешнеполитической деятельности государства, показать, как доктринально утверждённый курс на построение определённого мирового порядка предопределяет все другие компоненты его внешней политики, включая приоритеты, цели, задачи и используемые инструменты её реализации;

– предложено ввести в политологический лексикон новое понятие – «стратегическое присутствие» как комплекс военных, экономических, гуманитарных, информационных, научно-образовательных и других аспектов межгосударственных отношений, представляющих собой единый феномен;

– новизну составляет рассмотрение стратегического, в первую очередь военного, присутствия в качестве инструмента внешней политики США и России, который используется на определённых концептуальных (идеологических) основаниях, фиксирующих политическую ориентацию государств на однополярный или многополярный мир;

– обобщены и охарактеризованы российские нормативные и правовые акты, а также политические документы, на базе которых происходило формирование евразийских приоритетов внешней политики России и реализация которых выступает условием построения многополярного мира;

– осмыслены основные аргументы западных критиков евразийской интеграции и обоснована целесообразность разработки и принятия документа доктринального характера – Стратегии евразийской интеграционной политики Российской Федерации;

– на основе введения в научный оборот новых документальных источников осуществлён анализ деятельности различных институтов российского образовательного, научного и культурного присутствия на постсоветском пространстве. Образовательная и научная интеграция рассмотрена как важнейший инструмент практической внешней политики России,

способ формирования и взаимодействия элит, ценностные и политические ориентации которых предполагают евразийскую направленность, межэтническое согласие и сотрудничество, отказ от радикальной религиозной или националистической идеологии;

– на обширном фактологическом материале продемонстрирована роль, охарактеризованы функции и специфика деятельности различных институтов гражданского общества в осуществлении евразийского интеграционного проекта;

– показано, что в условиях евразийской интеграции сложилась новая прагматичная модель российско-киргизских отношений, включающая факторы, отсутствовавшие в «доинтеграционную» эпоху: признание взаимного влияния экономик и зависимости уровней социально-политической стабильности государств-участников ЕАЭС; включение ресурсов ООН и других влиятельных международных организаций и финансовых институтов в достижение интеграционных целей; расширение евразийской интеграции, сопряжение с другими интеграционными проектами, прежде всего китайским проектом «Один пояс – один путь»;

– предложены индикаторы, позволяющие не только оценить, находятся ли российско-киргизские отношения в формате реального союзничества и стратегического партнёрства или они остались на уровне деклараций, но и определить перспективные направления оптимального развития, которые можно будет учитывать в практической деятельности;

– обоснован тезис о значимости регионального измерения евразийской интеграции, проанализированы принципиально новые возможности и формы российско-киргизского партнёрства, появившиеся в результате вступления Киргизской Республики в Евразийский экономический союз: деятельность Российско-Киргизского фонда развития, ежегодное проведение российско-киргизских межрегиональных конференций, взаимодействие на межмуниципальном международном уровне.

Теоретическая и практическая значимость диссертации. Полученные в ходе исследования результаты могут служить теоретической базой для дальнейшего расширения

и углубления практик в сфере исследования интеграционных процессов, для разработки стратегических политических и правовых мер по обеспечению евразийской интеграции как на национальном, так и на региональном уровне. Они применимы при разработке документов концептуальной направленности, методических рекомендаций по совершенствованию инструментов внешней политики Российской Федерации.

Практическая значимость работы состоит в использовании выводов исследования в профессиональной деятельности диссертанта на различных должностях в Министерстве иностранных дел России, в частности, в должности Посла Российской Федерации в Киргизской Республике в 2012–2019 гг. Полученные результаты могут в определённой степени способствовать формированию новых подходов к развитию российско-киргизских отношений, совместному участию России и Киргизстана в реализации евразийского интеграционного проекта.

Материалы исследования могут представлять практический интерес для межгосударственных и международных объединений, государственных учреждений и межправительственных комиссий, различных общественных организаций, экспертных и информационно-аналитических структур, могут быть использованы политологами, правоведами, оперативно-дипломатическими сотрудниками, экспертами аналитических структур в процессе реализации евразийского интеграционного проекта, найдут применение в преподавании курсов по теории и истории международных отношений, политологии и регионоведению, при разработке специальных и факультативных курсов в высших учебных заведениях.

Методология и методы исследования. Диссертационное исследование выполнено в рамках парадигмы, рассматривающей формирование новой международно-политической системы, которая «замещает классическую биполярность»¹. Теоретический аспект исследования обеспечен использованием как

общепризнанных понятий и выводов теории международных отношений, теории внешней политики, теории мирового порядка и теории интеграции, так и новаторских подходов, основанных на констатации того, что «привычные рассуждения о глобализации как о нарастающей однородности мира неполно отражают многообразие живой реальности и не позволяют приемлемо объяснить, каким образом с ней соотносится российский опыт»¹.

Концептуализация понятия «евразийские приоритеты России» осуществлена на базе политико-правового, системного и институционального подходов с использованием методов компаративистского, конкретно-исторического, ситуационного, описательного, факторного анализа. Применены такие формально-логические методы научного анализа, как дедукция, аналогия и обобщение.

Прикладной аспект исследования в силу его проблемной ориентированности на решение вопросов, связанных с дальнейшим развитием интеграционных процессов на разных уровнях и в различных формах, обусловил необходимость сбора, классификации и анализа обширного эмпирического материала. Поэтому в диссертации применены индуктивные методы, основывающиеся на изучении частных, единичных явлений, такие как ивент-анализ (анализ последовательности событий), анализ документов и текущей информации о внешнеполитической практике государств, деятельности межгосударственных объединений и международных структур, образовательных и научных организаций, бизнес-структур и институтов гражданского общества, методы включённого наблюдения и интерпретации статистических данных.

В совокупности это позволило, с одной стороны, рассматривать процесс евразийской интеграции как целостный социально-политический феномен и международную практику, а с другой – видеть специфику её протекания в зависимости от масштабов, уровней и сфер реализации.

¹ Барановский В. Г. Структурные изменения глобального миропорядка // Современная политическая наука: методология: Научное издание / Отв. ред.: О. В. Гаман-Голутвина, А. И. Никитин. – М.: Аспект Пресс, 2018. – С. 571.

¹ Богатуров А. Д. Системные и конгломератные трактовки современного мира // Современная политическая наука: методология: Науч. изд. / Отв. ред.: О. В. Гаман-Голутвина, А. И. Никитин. – М.: Аспект Пресс, 2018. – С. 658.

Эмпирическая база исследования включает в себя следующие категории материалов:

- документы Генеральной Ассамблеи ООН, Совета Безопасности ООН и ОБСЕ в сфере обеспечения норм и принципов международного права;

- нормативно-правовые и политические документы региональных межгосударственных объединений – ЕАЭС, СНГ, ОДКБ, ШОС и др., посвящённые проблемам региональной интеграции;

- различные редакции Стратегии национальной безопасности США и Концепции внешней политики России;

- статьи и выступления руководителей министерств иностранных дел и других органов государственной власти;

- результаты политологических исследований;

- уставы и аналитические материалы российских неправительственных организаций внешнеполитической направленности;

- статистические данные и экспертные оценки евразийских интеграционных процессов;

- материалы СМИ;

- личный архив автора.

Положения, выносимые на защиту:

1. Концепция мирового порядка как способа организации международной жизни является адекватной современным условиям теоретико-методологической основой исследования внешней политики, при помощи которой возможно охарактеризовать детерминанты, приоритеты, цели, задачи и инструменты зарубежной деятельности государств. Проведённый в рамках концепции мирового порядка компаративистский анализ доктринальных документов США и России подтверждает, что США осуществляют внешнюю политику, призванную обеспечить сохранение моноцентричного мирового порядка и американское доминирование, а внешняя политика России, Китая и других государств, разделяющих принципы равноправного партнёрства, ориентирована на построение новой полицентричной модели мироустройства.

2. Стратегическое присутствие является инструментом внешней политики государств, осуществляющих и принимающих институты иностранного присутствия. Российское присутствие на постсоветском пространстве выступает важнейшим условием реализации евразийского интеграционного проекта как фактора построения многополярного мира. Целью расширения стратегического, в первую очередь военного, американского присутствия вблизи российских границ является противодействие евразийской интеграции, прежде всего противодействие проекту «Большой Евразии», осуществляемому на основе сопряжения проектов ЕАЭС и «Экономического пояса Шёлкового пути».

3. Национальные интересы и ценности, оценка международной ситуации, самоопределение места государства в системе международных отношений, формулировка внешнеполитических приоритетов, содержащиеся в концептуальных документах Российской Федерации, отражают трансформацию её внешнеполитического курса. Нарастание евразийского вектора выступает условием построения многополярного мира через участие в западных интеграционных процессах.

4. Дискуссия о евразийском проекте как одном из вариантов региональной интеграции позволяет выделить его характерные черты: во-первых, он отличается от «классической» модели региональной интеграции – Евросоюза – тем, что реализующие его государства в ключевых вопросах не зависят от позиции США и чётко ориентированы на полицентричный миропорядок; во-вторых, ни один из интеграционных проектов не обладает такой позитивной временной и пространственной динамикой, несмотря на изначальное ожесточённое неприятие Западом, попытки дискредитации и прямые угрозы; в-третьих, он обладает многомерным эффектом не только в социально-экономической и культурно-цивилизационной сфере, но и в плане многоформатного обеспечения региональной безопасности.

5. Основой образовательной и научной евразийской интеграции выступает научно-образовательное и культурное присутствие России, ориентированное на формирование и развитие

единого научно-образовательного и культурного пространства. Оно осуществляется путём создания славянских и сетевых университетов, открытия филиалов российских вузов, ежегодного предоставления образовательных квот для обучения в российских вузах и колледжах, учреждения совместных диссертационных советов и др. При этом необходимо отметить, что суверенизация постсоветских государств в 90-х гг. вызвала центробежные тенденции в развитии систем образования и науки. В результате присоединения к Болонскому процессу и перехода на западную систему аттестации научных кадров сформировались разные образовательные стандарты, в сфере науки стали применяться различные критерии оценки и требования к диссертациям, происходит закрытие российских диссертационных советов в вузах республик. Выделенные проблемы показывают пути углубления евразийской интеграции и направления её дальнейшего развития.

6. Неотъемлемой составляющей евразийского проекта является использование функциональных возможностей различных секторов гражданского общества, что способствует наращиванию темпов и масштабов евразийской интеграции, поиску новых направлений сотрудничества и выработке новых подходов к решению внешнеполитических задач. Так, экспертное сообщество вырабатывает рекомендации по самым злободневным вопросам (реализация идеи многополярности, развитие интеграционного проекта в условиях экономических ограничений и т. п.). НКО внешнеполитической направленности решают задачи более активного вхождения на международные многосторонние площадки и развития международных связей между представителями неправительственных организаций из регионов России. Волонтерское движение участвует в проекте ПРООН «Укрепление волонтерского движения в СНГ», российские НКО, занимающиеся общественной дипломатией, активизируют сотрудничество с зарубежными институтами гражданского общества.

7. С вступлением Киргизстана в ЕАЭС начала складываться новая прагматичная модель двусторонних межгосударственных отношений. Асимметричность этой модели

выражается в том, что евразийская интеграция выступает внешнеполитическим приоритетом больше для Российской Федерации, рассматривающей последнюю как стратегическую цель утверждения многополярного мира, а Киргизская Республика строит свою политику на принципе многовекторности и потому относится к евразийскому проекту как к одному из инструментов достижения своих экономических интересов и средству обеспечения развития. Основным смыслом данного интеграционного проекта для Киргизии выступает прагматичное решение социальных проблем при содействии Российской Федерации и других государств-членов ЕАЭС. В свою очередь, прагматизм этой модели для России заключается в укреплении её стратегического присутствия в центральноазиатском регионе и авторитета на международной арене в целом. В перспективе не только общее историческое прошлое, экономические, военно-политические и гуманитарные связи, но и совместное участие в формировании нового миропорядка станет доминирующим фактором укрепления российско-киргизских отношений.

8. Региональное измерение евразийской интеграции, в частности углубление двустороннего сотрудничества государств в рамках интеграционных объединений на постсоветском пространстве, не менее значимо, чем такие вопросы глобального уровня, как сопряжение интеграционного проекта Евразийского экономического союза и китайского проекта «Один пояс – один путь», идея создания Большой Евразии, проблемы многостороннего межгосударственного сотрудничества. В настоящее время происходит углубление евразийской интеграции за счёт выхода на региональный и муниципальный уровень, формируется новое звено в институциональной инфраструктуре евразийской интеграции. К принципиально новым возможностям и формам партнёрства, появившимся в результате вступления Киргизской Республики в Евразийский экономический союз, относятся: деятельность Российско-Киргизского фонда развития, ежегодное проведение российско-киргизских межрегиональных конференций, взаимодействие на межмуниципальном международном уровне.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Достоверность результатов исследования обеспечена применением методов комплексного рассмотрения внешней политики России, изучением, анализом и осмыслением автором материалов, опубликованных на официальных сайтах ООН, ЕАЭС, ШОС, БРИКС и других международных организаций, а также министерств иностранных дел евразийских государств, общественных объединений, бизнес-структур и экспертных сообществ стран ЕАЭС, которые содержат значительный объём фактологических данных. Достоверность результатов также обеспечена обобщением аналитических публикаций по исследуемым вопросам в научных изданиях и СМИ, что позволило выявить тенденции, направления, проблемы и уровни реализации евразийских приоритетов России.

Апробация результатов работы. Основные идеи, материалы и выводы исследования изложены автором в 28 научных статьях, 16 из которых опубликованы в рецензируемых научных журналах, рекомендуемых Министерством образования и науки РФ, и монографии «Внешняя политика современной России: евразийские приоритеты» (Бишкек, 2019. – 17,37 п. л.) общим объёмом 32,87 п. л. Концептуальные положения и результаты работы докладывались на более чем 20-ти международных, всероссийских и региональных научно-практических конференциях (Бишкек, 2014–2018 гг., Москва, 2016–2018 гг., Санкт-Петербург, 2017–2018 гг., Уфа, 2016 г., Челябинск, 2018 г. и др.), представлены на официальных сайтах в сети Интернет.

Результаты диссертационной работы обсуждались на расширенном заседании кафедры истории и культурологии Киргизско-Российского Славянского университета. Материалы исследования использовались диссертантом в процессе преподавания курса «Внешняя политика России» на факультете международных отношений КРСУ.

Структура диссертации. Диссертационное исследование объёмом 292 страницы состоит из введения, четырёх глав, содержащих по два параграфа, заключения, списка принятых сокращений и аббревиатур и списка использованной литературы и источников, насчитывающего 378 наименований.

Во введении раскрывается актуальность темы, описывается степень разработанности рассматриваемой проблемы, определяются объект и предмет исследования, цели и задачи диссертационной работы, характеризуется ее теоретико-методологическая и эмпирическая база, формулируются научная новизна и основные положения диссертации, выносимые на защиту, обосновывается теоретическая и практическая значимость полученных результатов, перечислены итоги апробации работы.

В первой главе «Детерминанты и инструменты внешней политики современных государств» содержится два параграфа. В первом параграфе «*Концепция миропорядка как теоретико-методологическая основа исследования внешней политики*» автор заявляет, что в основе его исследования лежит классическая теория внешней политики, где под последней понимается деятельность государства на международной арене. Автор отмечает, что возможны и другие подходы к дефиниции внешней политики, в то же время поясняя, что выбранное в качестве рабочего определение внешней политики в центр внимания ставит принятое на государственном уровне и соответствующим образом оформленное решение, а также способы его исполнения.

Это позволяет провести сравнительный анализ доктринальных политических документов на различных этапах формирования внешней политики России, концептуализацию выбора евразийских приоритетов на современном этапе развития государства, систематизацию технологий и методов их реализации в политико-дипломатической, экономической, военно-стратегической, гуманитарной, культурной, образовательной и научной сферах, обобщение практик институтов гражданского общества и бизнес-сообщества России в осуществлении евразийского интеграционного проекта.

Следующим логическим шагом после принятия базового определения внешней политики выступает выбор теоретико-методологического подхода, позволяющего удовлетворительно обеспечить соотношение фундаментальных и прикладных

аспектов исследования, определить детерминанты евразийских приоритетов внешней политики России. Таким подходом, по мнению автора, выступает концепция миропорядка как способа организации (правил) международной жизни.

Существует множество потенциальных конфигураций международной системы, подробные характеристики которых содержатся в публикациях российских и западных учёных. Их краткий обзор, представленный в параграфе, позволяет сделать вывод о том, что в современной теоретической дискуссии о миропорядке доминирующими являются сюжеты об одно- и многополярном мире, о либеральном и нелиберальном мироустройстве, о системе международных отношений, построенной на признании глобального лидерства (доминирования) США или основополагающих принципов международного права (Россия, Китай и другие новые центры мирового роста).

Автор обосновывает тезис о том, что концепция «мирового порядка» относится к наиболее эффективным исследовательским инструментам современной политической науки, позволяющим раскрыть детерминацию деятельности основных внешнеполитических акторов, в число которых входят современные государства, глобальные и региональные межгосударственные объединения.

С целью доказательства этого тезиса показано, как доктринально утверждённый государством курс на построение определённого мирового порядка обуславливает все другие компоненты его внешней политики, включая приоритеты, цели, задачи и используемые инструменты её реализации. В параграфе на основе концепции мирового порядка осуществлён сравнительный анализ редакций Стратегии национальной безопасности США 2002, 2006, 2010, 2015 и 2017 гг. и Концепции внешней политики России 2000, 2008, 2013, 2016 гг., а также политические заявления лидеров этих государств.

Проведённый анализ подтверждает, что США активно отстаивают своё глобальное лидерство как условие создания, воспроизведения и сохранения однополярного либерального миропорядка, что противоречит национальным интересам России и многих других незападных государств.

Внешняя политика России ориентирована на построение новой полицентричной модели мироустройства. Эта модель включает три базовых элемента: а) Организацию Объединённых Наций как гаранта всемирной стратегической стабильности; б) сеть региональных организаций, взаимодействующих с ООН с целью обеспечения региональной стабильности; в) двусторонние отношения между государствами, основанные на взаимном уважении суверенитета и территориальной целостности, взаимном ненападении, взаимном невмешательстве во внутренние дела, равенстве и взаимной выгоде, мирном сосуществовании и других общепризнанных принципах международного права.

Акторами формирования такой модели мирового порядка в первую очередь выступают государства, приоритеты внешней политики которых связаны с евразийской интеграцией как условием их устойчиво-безопасного развития.

Во втором параграфе «*Стратегическое присутствие как инструмент внешней политики*» автор исходит из того, что прикладное исследование внешней политики как зарубежной деятельности государства требует конкретизации (операционализации) применяемых концепций, детального изучения реальных процессов формирования и осуществления внешней политики, которое можно осуществить с помощью вновь вводимого понятия «стратегическое присутствие», тем более что избранный «миропорядковый» методологический подход даёт такую возможность.

По определению автора, «присутствие» означает физическое пребывание одного актора межгосударственных отношений на территории другого. Такое присутствие, в отличие от оккупации, осуществляется на основе двусторонних межгосударственных соглашений, фактически выступая инструментом внешней политики обоих государств, реализуемой во всех сферах общественной жизни.

Стратегическое присутствие рассмотрено как комплекс военных, экономических, гуманитарных, информационных, научно-образовательных и всех других аспектов межгосударственных отношений, представляющих собой единый феномен. Оно используется на определённых концептуальных

(идеологических) основаниях, фиксирующих политическую ориентацию государств, принимающих и осуществляющих присутствие, на однополярный или многополярный мир.

Стратегическое присутствие выполняет политические функции, выступая как форма не прямых стратегических действий государств, которые в своих основополагающих внешнеполитических документах (законах, концепциях, стратегиях, курсах внешней политики, знаковых выступлениях государственных руководителей) чётко фиксируют своё отношение к институту иностранного присутствия, прежде всего военного.

Рассмотрение присутствия как инструмента внешней политики государства, его осуществляющего, предполагает ответы на вопросы – каковы цели, задачи и чем определяется структура (виды и формы, места дислокации) присутствия конкретного государства за пределами своей территории.

Государством, наиболее активно пользующимся «присутствием» в качестве инструмента внешней политики, являются Соединенные Штаты Америки. Несмотря на смену президентов США внешнеполитический курс этой страны предполагает сохранение модели однополярного мира под лозунгом «Америка на первом месте». США с помощью инструментов военного и «мягкого» присутствия осуществляют внешнюю политику, призванную обеспечить сохранение моноцентричного мирового порядка и американское мировое лидерство.

Автор отмечает, что американское присутствие имеет не только форму военного присутствия, оно осуществляется практически во всех странах мира в форме создания неправительственных организаций, преследующих цели смены действующих политических режимов и установления однополюсного «либерального миропорядка». Политические итоги проводимой США политики на Балканах, в Ираке, Иране и Афганистане, «арабская весна» и «цветные революции» на постсоветском пространстве в конце XX – начале XXI в. стали яркими примерами реализации идеи глобального лидерства и создания однополярного мира с помощью инструментов американского присутствия...

Особое внимание в параграфе уделено анализу американского присутствия на постсоветском пространстве, целью

которого, поставленной в Стратегии национальной безопасности США, является сдерживание интеграционных инициатив Российской Федерации. Противодействие евразийской интеграции, прежде всего противодействие проекту «Большой Евразии» на основе сопряжения проектов ЕАЭС и «Экономического пояса Шёлкового пути», оказание на Россию политического, экономического, информационного и иного давления осуществляется через систему разнообразных мер, в том числе через расширение стратегического присутствия вблизи её границ.

Автор подчёркивает, что российское экономическое, военное, информационное, гуманитарное, образовательное и научное присутствие осуществляется с целью построения новой полицентричной модели мироустройства. Сопряжённость различных видов российского присутствия на постсоветском пространстве обеспечивает его стратегический характер и выступает важнейшим условием реализации евразийских приоритетов внешней политики России.

Как известно, в настоящее время российское военное присутствие осуществляется на территории Абхазии, Армении, Белоруссии, Казахстана, Киргизии, Приднестровья, Сирии, Таджикистана и Южной Осетии. Автор отмечает, что эти государства в своих стратегических документах закрепляют принципы и цели иностранного присутствия, а в двусторонних соглашениях определяют его условия, сроки и формы. Совпадение политических ориентиров России и этих государств на построение многополярного мира является основанием военного, информационного, экономического, научно-образовательного присутствия.

В параграфе на примере стратегического присутствия России на территории Киргизской Республики продемонстрировано, что оно осуществляется как на основе двусторонних межгосударственных соглашений, так и в рамках Организации Договора о коллективной безопасности. Эффективность стратегического присутствия России в Киргизской Республике является фактором обеспечения национальной безопасности и гарантом сохранения территориальной целостности этого государства, а потому не вызывают сомнения принципы добровольности и сотрудничества, на которых оно осуществляется.

Вторая глава «Формирование евразийских приоритетов внешней политики России» также включает два параграфа. В первом параграфе «Приоритеты внешней политики в концептуальных документах Российской Федерации» проведён сравнительный анализ различных редакций Концепции внешней политики Российской Федерации (1993, 2000, 2008, 2013 и 2016 гг.) и комментариев к ним видных политиков и учёных-международников, а также политических заявлений государственных деятелей.

Первая Концепция внешней политики Российской Федерации была утверждена Президентом России Б. Н. Ельциным в 1993 г., в ней признавалось большое значение «нового политического мышления», призванного решить задачи «возрождения России как демократического, свободного государства» и «обеспечения благоприятных условий для полноправного и естественного включения РФ в мировое сообщество как великой державы». При этом государства СНГ и другие традиционные союзники СССР воспринимались как неприоритетные партнёры. В качестве приоритета определялось партнёрство с США и Европой, призванное обеспечить вхождение России в сообщество развитых государств. В рамках выполнения Концепции в 1993 г. был подписан договор о дальнейшем сокращении ядерных вооружений (СНВ-2), российские войска выведены с Кубы, в 1994 г. выведены войска из Германии, стран Центральной и Восточной Европы и Балтии. Началось расширение НАТО на Восток, бывшими союзниками по социалистическому блоку Россия стала восприниматься не партнёром, а препятствием на пути их интеграции в западное сообщество.

После назначения министром иностранных дел Е. М. Примаков в 1996 г. констатировал, что отношения России и Запада, прежде всего в области безопасности, должны перестать носить характер односторонних уступок. Он настаивал на принципиальном изменении внешнеполитических приоритетов и существенном повышении внимания к восточному направлению российской дипломатии. В 1997 г. в Концепции национальной безопасности России было зафиксировано, что партнёрство с Западом по многим направлениям зашло в тупик. Признавался

факт смены границ, а перспектива расширения НАТО на Восток объявлялась неприемлемой и рассматривалась как угроза национальной безопасности. Стало очевидным, что Концепция внешней политики России нуждается в новой редакции.

28 июня 2000 г. была утверждена новая Концепция внешней политики Российской Федерации, в которой было заявлено, что Россия не претендует на конфронтацию с Западом, но готова отстаивать свои национальные интересы и препятствовать продвижению границ НАТО на Восток. Как не совпадающая с интересами России оценивалась новая стратегическая концепция НАТО. Подчёркивалось, что Россия в силу своего географического положения должна оставаться великой державой в контексте многополярного мира. В документе ставилась задача закрепления стратегического партнёрства со всеми государствами СНГ с учётом встречной открытости. За базовый принимался принцип разноростной и разноуровневой интеграции.

Следующая редакция Концепции внешней политики была утверждена 12 июля 2008 г. Важнейшим региональным приоритетом внешней политики России объявлялись её отношения со странами СНГ, прежде всего с Белоруссией и странами-участниками ОДКБ и ЕврАзЭС. Концепция декларировала отрицательное отношение к расширению НАТО, в частности, к планам приёма в члены альянса Украины и Грузии, а также к приближению военной инфраструктуры НАТО к российским границам в целом.

Очередная редакция Концепции внешней политики России была утверждена на фоне выдвижения новых внешнеполитических инициатив рядом крупнейших держав (например, Китаем) 12 февраля 2013 г. Важным нововведением стало заявление о том, что сущность переходного периода, который переживают международные отношения, заключается в формировании полицентричной международной системы. В Концепции-2013 отмечалось, что возможности исторического Запада доминировать в мировой экономике и политике продолжают сокращаться и происходит рассредоточение мирового потенциала силы и развития, его смещение на Восток, в первую очередь в Азиатско-Тихоокеанский регион. В документе

подтверждалось, что приоритетными направлениями российской внешней политики являются развитие двустороннего и многостороннего сотрудничества с государствами-участниками СНГ и формирование Евразийского экономического союза, который призван стать эффективным связующим звеном между Европой и Азиатско-Тихоокеанским регионом.

С марта 2014 г. резко изменился характер международных отношений. Начался серьёзный кризис в отношениях между Россией и государствами Запада. США и их союзники взяли курс на сдерживание России, оказание на неё политического, экономического, информационного и иного давления через систему разнообразных санкций, вызванных признанием Крыма и её позицией в украинском кризисе.

Обострение противоречий с западными странами зафиксировала Концепция внешней политики России, принятая в ноябре 2016 г. В то же время в ней отмечался динамизм становления полицентричного мира, полномасштабный выход на международную арену Китая и других стран Азиатско-Тихоокеанского региона, Турции, Ирана, формирование интеграционных объединений на евразийском пространстве, в которых значительная роль отводится России.

В настоящее время Россия в качестве ключевой ставит задачу углубления и расширения интеграции в рамках Евразийского экономического союза и считает, что ЕАЭС способен сыграть важную роль в сопряжении процессов европейской и евразийской интеграции. Выступая на Международном форуме «Один пояс – один путь» в мае 2017 г. в Пекине, Президент РФ В. В. Путин чётко обозначил евразийские приоритеты: «Россия видит будущее евразийского партнёрства не просто как налаживание новых связей между государствами и экономиками. <...> Считаю, что сложение потенциалов таких интеграционных форматов, как ЕАЭС, «Один пояс – один путь», Шанхайская организация сотрудничества, Ассоциация государств Юго-Восточной Азии, способно стать основой для формирования Большого евразийского партнёрства»¹.

¹ Выступление Президента России В. В. Путина на Международном форуме «Один пояс; один путь» (14.05.2017) // URL: [http://kremlin.ru/events/president/...](http://kremlin.ru/events/president/)

Таким образом, компаративистский анализ концептуальных внешнеполитических документов Российской Федерации показывает нарастание евразийского вектора как условия построения многополярного мира и включение участия в западных интеграционных процессах в первоочередные приоритеты российской политики.

Название второго параграфа «*Евразийская интеграция – путь к новому миропорядку*», по мнению автора, определяет суть всей диссертационной работы. Прежде чем давать характеристику евразийской интеграции, автор останавливается на термине «интеграция», которая в современном мире понимается как процесс упрочения взаимозависимости и слаженности элементов социальной системы и является одной из закономерностей мирового развития.

Далее следует краткий исторический очерк поэтапного воплощения интеграционной идеи в жизнь: от её выдвижения Президентом Казахстана Н. А. Назарбаевым в марте 1994 г. до вхождения в функционирующий с 1 января 2015 г. Евразийский экономический союз новых членов – Армении и Киргизстана. Особое внимание уделено задаче ЕАЭС как наднационального объединения стать одним из полюсов современного мира.

Автор соглашается с исследователями, считающими, что анализ интеграционных процессов нуждается в комплексном, многостороннем и многофакторном подходе, но предлагает сосредоточиться на выявлении характерных черт евразийской интеграции с политологической точки зрения.

Подобный анализ принято начинать с обзора работ зарубежных авторов, но евразийский проект, представляющий один из вариантов региональной интеграции, на экспертном уровне не стал предметом серьёзных научных исследований западных учёных, а освещается, как правило, на уровне политической журналистики. К основным «западным» тезисам о проекте евразийской интеграции относятся следующие: Евразийский союз является институциональной копией Европейского союза, однако его эффективность значительно ниже; неизбежна трансформация Евразийского экономического союза в политический. При этом добровольность и осознанность

делегирующая части суверенитета государствами-участниками подвергаются серьёзным сомнениям, утверждается, что ЕАЭС экономически нецелесообразен и является «плохой сделкой» даже для самой России.

Автор подчёркивает, что неприятие Евразийского союза «глобальным лидером» было обозначено сразу же после декларации идеи о его создании. К способам противодействия глобального лидера евразийской интеграции автор относит: создание зон конфликтности и продуцирование новых угроз на евразийском пространстве; политически мотивированные действия США и их союзников, осуществление антироссийской санкционной политики, оказавшей немалое отрицательное воздействие на развитие экономики России, а вслед за ней – и других стран ЕАЭС; ведение массовой информационной войны; поддержка системной и несистемной оппозиции в евразийских государствах.

Автор проводит достаточно подробное сравнение евразийской интеграции с нормативным опытом региональной интеграции в рамках Европейского союза, которое позволяет выделить такие особенности, как, во-первых, отсутствие зависимости ЕАЭС от глобального лидера, во-вторых, изначальное неприятие идеи Евразийского союза и отказ со стороны коллективного Запада в праве евразийским государствам реализовывать свой региональный проект; в-третьих, необходимость комплексной, а не только экономической оценки эффективности, которая подтверждает внешнеполитический успех России. В свою очередь, по мнению автора, этот успех является условием дальнейшего расширения интеграционных процессов в рамках «Большого евразийского партнёрства», что выступает одновременно вызовом однополярности и путём к построению многополюсного мира.

Параграф завершается предложением начать разработку документа под названием «Стратегия евразийской интеграционной политики Российской Федерации». Аргументы автора таковы: в условиях динамики современных международных отношений неизменным внешнеполитическим приоритетом России в сложившихся условиях глобальной конкуренции является создание «Большого евразийского партнёрства» на базе

уже функционирующего Евразийского экономического союза и формирующегося сопряжения проектов ЕАЭС и «Один пояс – один путь». Однако в действующей Концепции внешней политики России этот тезис не выделен в самостоятельный раздел. Поэтому назрела необходимость разработки фундаментального документа доктринального характера, структура и содержательные компоненты которого предложены автором.

Третья глава диссертации – «Евразийская интеграция: образовательные, научные и гуманитарные факторы». Первый параграф «Образовательная, научная и культурная интеграция на евразийском пространстве: состояние и проблемы» посвящён анализу российского образовательного, научного и культурного присутствия. Образовательная и научная интеграция евразийских государств рассмотрена как инструмент практической внешней политики, способ формирования и взаимодействия элит, ценностные и политические ориентации которых предполагают евразийскую направленность, межэтническое согласие и сотрудничество, отказ от радикальной религиозной или националистической идеологии.

Автор подчёркивает, что именно представители научно-образовательных элит, ориентированных на позитивное сотрудничество, сразу же после распада СССР в условиях роста этнонационализма подготовили проекты и настояли на подписании государствами-участниками СНГ ряда очень важных документов, среди которых Соглашение о сотрудничестве в области образования (1992 г.) и Соглашение о сотрудничестве по формированию единого (общего) образовательного пространства Содружества Независимых Государств (1997 г.), характеризующее общностью принципов государственной политики в сфере образования, согласованностью государственных образовательных стандартов, программ и требований по подготовке и аттестации научных и научно-педагогических кадров.

Для подготовки национальных элит, ориентированных на расширение и углубление евразийских интеграционных процессов, Россией апробированы и используются в настоящее время такие инструменты, как открытие на постсоветском пространстве славянских университетов, а также филиалов

российских вузов, сетевых университетов СНГ и ШОС, ежегодное предоставление Министерством образования и науки РФ квот гражданам постсоветских государств для обучения в российских вузах и колледжах, проведение международных образовательных выставок-ярмарок, организация курсов повышения квалификации для учителей русского языка и литературы, а также учителей-предметников, передача учебно-методической и художественной литературы, мультимедийных и наглядных пособий в школы и вузы республик.

Сегодня успешно функционируют Киргизско-Российский Славянский университет (открыт в 1993 г.), Российско-Таджикский Славянский университет (1996 г.), Российско-Армянский (Славянский) университет (1997 г.), Славянский университет Республики Молдова (1997 г.), Белорусско-Российский университет (2001 г.), Сетевой университет Содружества Независимых Государств (2009 г.), Международный сетевой университет духовного образования государств-участников СНГ (2017 г.) и Университет Шанхайской организации сотрудничества (2008 г.).

Всего в российских вузах, расположенных за пределами РФ, обучается 22,3 тыс. студентов. Численность иностранных студентов из стран СНГ, обучающихся в России, составляет 124 744 человек, что позволяет говорить о заметном российском присутствии в образовательном пространстве евразийских государств.

Не менее значимой, чем образовательная, выступает научная интеграция. Примерами эффективного сотрудничества в области науки являются совместные проекты Научной станции РАН в Бишкеке с подразделениями НАН КР (институтами сейсмологии, геологии, физики и механики горных пород), ежегодная Международная летняя школа молодых учёных-историков стран СНГ (партнёры – институт Всеобщей истории РАН, МФГС), защита диссертаций гражданами постсоветских государств в российских диссертационных советах, оппонирование диссертаций учёными, имеющими российскую научную степень, в диссертационных советах постсоветских государств и др.

Вместе с тем, отмечая определённые достижения и прогресс в сфере образовательной и научной евразийской

интеграции, автор говорит и о наличии проблем, вызванных центробежными тенденциями в развитии систем образования и науки, которые выражаются в несовпадении образовательных стандартов и критериев аттестации научных кадров высшей квалификации новых независимых государств с российскими, снижении роли ВАК Минобрнауки РФ в аттестации научных кадров высшей квалификации постсоветских государств.

Выделенные проблемы, по мнению автора, показывают потенциал углубления евразийской интеграции и направления её дальнейшего развития в научно-образовательной сфере, а также обосновывают необходимость наделения ответственностью на федеральном уровне институциональной структуры, отвечающей за этот процесс. В частности, предлагается расширить функции Россотрудничества в плане подготовки законопроектов и предложений, конституирующих работу по обеспечению единого образовательного и научного пространства ЕАЭС.

Внося это предложение, автор обращается к опыту работы Российского центра науки и культуры в Бишкеке, который осуществляет значительное число культурно-гуманитарных и образовательных проектов в Киргизстане. Так, в 2018 г. РЦНК провёл 305 мероприятий в рамках программ культурно-гуманитарного и научно-образовательного характера, в которых приняли участие около 58 тыс. человек. Наделение представительств Россотрудничества в постсоветских государствах новыми функциями и полномочиями позволит, по мнению автора, оптимизировать форматы образовательной, научной и культурной евразийской интеграции.

Второй параграф главы называется *«Гражданское общество в реализации евразийского интеграционного проекта»*. В обновлённой в 2016 г. редакции Концепции внешней политики РФ признаётся, что неотъемлемой составляющей современной международной политики становится использование для решения внешнеполитических задач инструментов «мягкой силы», прежде всего возможностей гражданского общества.

Автор отмечает, что с целью вовлечения институтов гражданского общества в реализацию задач внешней политики Российской Федерации Президент России В. В. Путин и министр

иностранных дел России С. В. Лавров проводят ежегодные встречи с представителями российских некоммерческих организаций, на которых дают оценку текущей ситуации и ставят определённые задачи. В 2018 г. на встречах с представителями российских НКО (экспертным политологическим сообществом международного дискуссионного клуба «Валдай», представителями российских некоммерческих организаций международной направленности и представителями волонтерского движения) особое внимание они уделили проблемам перехода к многополярному миру, евразийским приоритетам внешней политики России, необходимости активизации институтов гражданского общества на международных общественных дискуссионных площадках, вопросам участия региональных некоммерческих организаций международной направленности во взаимодействии по линии неправительственных структур с партнёрами за рубежом.

Успешному решению задачи «привлекать институты гражданского общества к решению международных проблем в целях повышения эффективности российской внешней политики»¹ способствуют российские программы публичной дипломатии, связанные с деятельностью Россотрудничества, института специального представителя Президента РФ по международному культурному сотрудничеству, фонда «Русский мир», Российского совета по международным делам и других организаций.

С точки зрения автора, позитивная динамика евразийской интеграции в значительной мере обусловлена активной позицией институтов гражданского общества государств, участвующих в интеграционных процессах, направленной на формирование у других внешнеполитических акторов и населения постсоветских государств представлений о региональном политическом пространстве и роли региональных интеграционных объединений в обеспечении международного мира.

В этом контексте несомненной значимостью обладает изучение конкретных примеров участия институтов гражданского общества в евразийском интеграционном проекте. В параграфе

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации. Утв. Указом Президента РФ В. В. Путина от 30 ноября 2016 г. № 640 [Электронный ресурс] // URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news

охарактеризована деятельность российских неправительственных организаций внешнеполитической направленности, осуществляющих функции общественной дипломатии, в частности, Общественной палаты Российской Федерации, Фонда поддержки публичной дипломатии им. А. М. Горчакова и Международного союза неправительственных организаций «Ассамблея народов Евразии». Значительное внимание уделено евразийской составляющей в работе Ассамблеи народа Киргизстана, Клуба региональных экспертов Киргизской Республики «Пикир», Фонда культурно-исторического сообщества «Евразийцы – новая волна», Бишкекского антитеррористического форума стран-участниц ЕАЭС, поискового движения «Наша Победа – Биздин Жениш» и Общественного фонда «Эрдик – Подвиг».

Автор констатирует, что целями перечисленных и многих других неправительственных организаций выступает заинтересованность в наращивании темпов и масштабов евразийской интеграции, поиске новых направлений сотрудничества институтов гражданского общества государств-членов ЕАЭС.

Четвёртая глава – «Региональное измерение евразийской интеграции (на материалах Российской Федерации и Киргизской Республики)». В первом параграфе «*Российско-киргизские отношения в контексте евразийской интеграции*» утверждается, что с вступлением Киргизстана в ЕАЭС начала складываться новая асимметричная модель двусторонних межгосударственных отношений. Асимметричность выражается в том, что евразийская интеграция выступает внешнеполитическим приоритетом больше для Российской Федерации, рассматривающей последнюю как стратегическую цель утверждения многополярного мира, а Киргизская Республика строит свою политику на принципе многовекторности и потому относится к интеграционному проекту как к одному из инструментов достижения экономических интересов и средству обеспечения развития.

Поскольку основным смыслом евразийского интеграционного проекта для Киргизии выступает прагматичное решение социальных проблем при содействии России и других государств-членов ЕАЭС, условно эту модель автор называет «прагматичной». При характеристике этой модели автор рассматривает новые

факторы, которые отсутствовали в «доинтеграционную» эпоху: признание взаимного влияния экономик и зависимости уровней социально-политической стабильности государств-участников ЕАЭС; включение ресурсов ООН и других влиятельных международных организаций и финансовых институтов в достижение интеграционных целей; расширение евразийской интеграции, сопряжение с другими интеграционными проектами, прежде всего китайским проектом «Один пояс – один путь».

Принципиально значимым является то, что членство Киргизской Республики в ЕАЭС непосредственно воздействует на её макроэкономические показатели и уровень социальной стабильности. Социальная стабильность, в свою очередь, способствует росту инвестиций, осуществляемых государствами-членами ЕАЭС, среди которых Россия находится на первом месте. Таким образом, инвестиционная активность России является важнейшим фактором роста её ВВП.

Другим не менее значимым фактором обеспечения социальной стабильности в Киргизской Республике выступает массовая трудовая миграция как форма внешней занятости населения. В России находится более 640 тыс. трудовых мигрантов, получивших после вступления Киргизстана в ЕАЭС ряд преференций при осуществлении трудовой деятельности, а также свыше 570 тыс. киргизстанцев, приобретших гражданство Российской Федерации. Денежные переводы этих двух категорий работников составляют приблизительно треть объёма ВВП КР.

Прагматичность киргизско-российских отношений подкрепляется и проработкой вопросов о пенсионном обеспечении и зачёте трудового стажа, о признании документов об образовании граждан, претендующих на занятие педагогической, юридической, медицинской или фармацевтической деятельностью.

Ещё одной существенной составляющей прагматичной модели киргизско-российских отношений является подключение ресурсов ООН и других влиятельных международных организаций к достижению интеграционных целей, совпадающих с Целями устойчивого развития – 2030. В первую очередь, это содействие через различные структуры ООН в ликвидации нищеты и голода, обеспечении качественного

образования, гендерного равенства, решении экологических и других проблем, влияющих на уровень социальной стабильности в республике.

Финансирование Россией программ и проектов ПРООН, Всемирной продовольственной программы, Детского фонда ООН, ЮНИДО, Фонда ООН в области народонаселения, осуществляемых на территории Киргизской Республики, наглядно демонстрирует механизмы стратегического присутствия России. Таким образом, прагматизм новой модели для России заключается в укреплении её позиций и авторитета в регионе Центральной Азии и на международной арене в целом.

Прагматичная модель межгосударственных отношений России и Киргизии означает не только участие в евразийской интеграции, но и включение КР в процесс сопряжения с другими интеграционными проектами, прежде всего с китайским проектом «Один пояс – один путь» и с проектом «Большая Евразия». Иными словами, она предполагает активное участие Киргизской Республики в формировании нового миропорядка для закрепления её внешнеполитических интересов, которые по многим позициям совпадают с геостратегическими и социально-экономическими интересами Российской Федерации.

С точки зрения автора, общее историческое прошлое, экономические, военно-политические и гуманитарные связи, подкреплённые совместным участием в формировании нового миропорядка, становятся доминирующим фактором укрепления российско-киргизских отношений.

При этом в настоящее время необходима формализованная оценка межгосударственных отношений России и Киргизстана, для осуществления которой автор предлагает систему индикаторов, позволяющих определить, находятся ли они в формате реального союзничества и стратегического партнёрства или остались на уровне деклараций, а также выделить перспективные направления оптимального развития, которые можно будет учитывать в практической деятельности.

Во втором параграфе «*Новые тенденции и направления стратегического партнёрства Российской Федерации и Киргизской Республики*» на примере современных российско-

киргизских отношений продемонстрирована значимость регионального измерения евразийской интеграции. К принципиально новым возможностям и формам партнёрства, появившимся в связи с вступлением Киргизской Республики в Евразийский экономический союз, относятся: деятельность Российско-Киргизского фонда развития, ежегодное проведение российско-киргизских межрегиональных конференций, выставок и ярмарок, взаимодействие на межмуниципальном международном уровне.

За год до вступления в ЕАЭС между правительством КР и правительством РФ было заключено Соглашение о развитии экономического сотрудничества в условиях евразийской экономической интеграции. Для его реализации и в целях содействия экономическому сотрудничеству между КР и РФ, модернизации и развитию экономики КР, эффективному использованию возможностей, обусловленных участием сторон в евразийской экономической интеграции, был учреждён Российско-Киргизский фонд развития (РКФР) в форме международной организации.

Россия выделила 500 млн долларов США на реализацию проектов в агропромышленном комплексе, в швейной и текстильной отраслях, в обрабатывающей промышленности, горнодобывающей и металлургической промышленности, в сферах транспорта, жилищного строительства, торговли, для развития предпринимательства и объектов инфраструктуры, включая инфраструктуру туризма и медицины. Российская сторона также обеспечила предоставление средств на безвозмездной основе в размере 200 млн долларов США в течение двух лет для финансирования мероприятий «дорожной карты» присоединения Киргизской Республики к ЕАЭС.

В настоящее время можно привести десятки успешных примеров кредитования Фондом самокупаемых проектов в приоритетных секторах экономики Киргизской Республики, которые свидетельствуют о том, что Российско-Киргизский фонд развития смог стать специализированным финансовым институтом адаптации к условиям евразийской интеграции.

Но Фонд не единственная новая форма партнёрства России и Киргизской Республики в статусе государств-членов ЕАЭС.

Ежегодные, начиная с 2011 г., межрегиональные российско-киргизские конференции являются инструментом проведения согласованной политики двух государств в перспективных сферах экономической деятельности, создания комфортных условий для реализации совместных проектов в различных отраслях. Заключённые по итогам межрегиональных конференций меморандумы и соглашения вносят заметный вклад в реализацию евразийского интеграционного проекта.

Региональный уровень межгосударственного взаимодействия активно дополняется муниципальным. Это также хорошо видно на примере Киргизской Республики, которая участвует в периодически проводимом Международном форуме лучших муниципальных практик. На нём рассматриваются вопросы городского управления (экономика, финансы, инвестиционный климат, функционирование жилищно-коммунального хозяйства), а также проблемы экологии, социальной политики, развития информационных технологий, международного сотрудничества, регулирования межконфессиональных и межнациональных отношений, культурной самобытности и идентичности городов. По итогам Форума подписываются документы о сотрудничестве – например, Меморандум о сотрудничестве между Союзом местных самоуправлений Киргизской Республики и Союзом российских городов, Меморандум о сотрудничестве между Союзом местных самоуправлений КР и Ассоциацией «Международная ассамблея столиц и крупных городов» (Российская Федерация) и др., в которых предусмотрен обмен опытом в реализации вопросов местного значения.

Выход евразийской интеграции на региональный и муниципальный уровень, по мнению автора, свидетельствует о формировании нового звена в институциональной инфраструктуре евразийской интеграции.

В Заключении сформулированы выводы, которые в совокупности позволяют обосновать утверждение о том, что евразийские приоритеты внешней политики России обусловлены неприемлемостью встраивания России в мировую однополярную иерархию при тотальном доминировании США и что реализация евразийских приоритетов через расширение

процессов евразийской интеграции (до формирования Большого евразийского партнёрства) и её углубление (до создания межрегиональных и межмуниципальных международных структур) выступает ключевым фактором построения «более честного, справедливого и представительного многополярного мирового порядка»¹.

Автор полагает возможным предложить следующие **практические рекомендации**:

- поскольку образование и институционализация новых межгосударственных объединений на евразийском пространстве, базирующихся на признании принципа многополярности, оказывает непосредственное влияние на трансформацию современной системы международных отношений, требуется формирование самостоятельного раздела политологической науки, посвящённого изучению евразийской интеграции, выявлению её причин, факторов, условий, моделей и инструментов реализации;

- назрела необходимость включения в учебные планы высших учебных заведений по специальностям, связанным с изучением международных отношений и политических процессов, таких тем, как «Международное право, мировые политические процессы и евразийская интеграция», «Дифференцированная характеристика процессов региональной интеграции»;

- исходя из того, что евразийский геостратегический интерес является долгосрочным, а также с учётом новых исторических и геополитических реалий, современных вызовов и угроз, формирующих международную повестку, предлагается разработать и принять фундаментальный документ доктринального характера «Стратегия евразийской интеграционной политики Российской Федерации», целью которого является обоснование признания евразийского вектора в качестве приоритетного для внешней политики России. «Стратегия» должна быть синхронизирована с другими документами стратегического планирования;

¹ Йоханнесбургская декларация Десятого саммита БРИКС. Йоханнесбург, ЮАР, 26 июля 2018 г. // URL: <http://interkomitet.ru/blog/2018/07/26/johannesburgskaya-deklaratsiya-desyatogo-sammita-briks/>

- автор считает необходимым проведение специальных исследований по ряду аспектов рассматриваемой темы: принципам российского стратегического присутствия, условиям и инструментам сохранения и расширения единого экономического пространства, форматам расширения и углубления интеграционных процессов и т. д., обладающим большим научным потенциалом и практически-политической значимостью в контексте евразийской интеграции;

- предлагается создание на федеральном уровне специализированной институциональной структуры, ответственной за решение проблем, связанных с расширением научно-образовательного и культурного присутствия России на евразийском пространстве, в частности, предлагается расширить функции Россотрудничества в плане подготовки законопроектов и предложений, конституирующих работу по обеспечению единого образовательного, научного, гуманитарного и культурного пространства ЕАЭС;

- наличие различных моделей межгосударственных отношений России с другими евразийскими государствами приводит автора к выводу о необходимости использования определённых критериев оценки их эффективности, прежде всего отношений союзничества и стратегического партнёрства, закреплённых соответствующими международными договорами и соглашениями. В этом контексте автор предлагает систему индикаторов, позволяющую оценить реальный формат двусторонних отношений и определить перспективные направления их оптимального развития;

- особую актуальность и практическую значимость имеет изучение опыта включения в процесс евразийской интеграции новых независимых государств. На основе обобщения опыта Киргизской Республики целесообразно разработать комплекс практических рекомендаций, адресованных представителям органов власти, дипломатическим работникам, активистам неправительственных организаций и представителям независимых СМИ по организации совместной деятельности, направленной на обеспечение дальнейшего продвижения евразийского интеграционного проекта.

Основные положения диссертации опубликованы в следующих работах автора:

Монография:

1. Внешняя политика современной России: евразийские приоритеты / КРСУ. – Бишкек, 2019. – 278 с. (17,37 п. л.).

Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК РФ:

2. Российско-киргизские отношения на современном этапе: состояние и перспективы // Вестник Киргизско-Российского Славянского университета (КРСУ). – 2014. – Т. 14. – № 6. – С. 3–9 (0,5 п. л.).
3. Празднование 70-летия Победы как фактор консолидации усилий по противодействию современным вызовам и угрозам // Вестник КРСУ. – 2015. – Т. 15. – № 5. – С. 3–7 (0,5 п. л.).
4. Russia and Kyrgyzstan Aim to Deepen Eurasian Integration // Political Science Issues. – 2017. – Issue 1 (25–26). – Vol. 7. – P. 27–36 (1,2 п. л.).
5. Военно-политические аспекты евразийской интеграции // Государственное и муниципальное управление: Учёные записки СКАГС. – 2017. – № 3. – С. 156–160 (0,5 п. л.).
6. Россия и Киргизия нацелены на углубление евразийской интеграции // Вопросы политологии. – 2017. – № 3 (27). – С. 57–67 (0,65 п. л.).
7. Россия и Киргизстан однозначно заинтересованы в углублении евразийской интеграции // Вестник КРСУ. – 2017. – Т. 17. – № 9. – С. 45–50 (0,5 п. л.).
8. Формирование евразийских приоритетов внешней политики России // Вестник КРСУ. – 2017. – Т. 17. – № 9. – С. 51–55 (0,5 п. л.).
9. Организация Договора о коллективной безопасности – востребованный институт военно-политического сотрудничества // Известия Института философии, политологии и права Академии наук Республики Таджикистан. – 2018. – № 2. – С. 51–56 (0,5 п. л.).
10. Образовательная интеграция на пространстве СНГ: институты и форматы // Вестник КРСУ. – 2018. – Т. 18. – № 3. – С. 155–158 (0,5 п. л.).

11. Стратегическое присутствие России на евразийском пространстве // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2018. – № 4. – С. 395–406 (0,6 п. л.).
12. Иностранное присутствие в теории и практике международных отношений (Часть первая) // Вестник КРСУ. – 2018. – Т. 18. – № 7. – С. 141–145 (0,5 п. л.).
13. Иностранное присутствие в теории и практике международных отношений (Часть вторая) // Вестник КРСУ. – 2018. – Т. 18. – № 7. – С. 146–151 (0,5 п. л.).
14. Внешнеполитические подходы США и России к построению мирового порядка // Вопросы политологии. – 2018. – № 8 (36). – С. 446–459 (0,6 п. л.).
15. Региональное измерение евразийской интеграции // Вестник КРСУ. – 2018. – Т. 18. – № 11. – С. 128–134 (0,65 п. л.).
16. Современный миропорядок: внешнеполитические подходы США и России // Вестник КРСУ. – 2018. – Т. 18. – № 11. – С. 135–139 (0,5 п. л.).
17. Прагматичная модель российско-киргизских отношений в контексте евразийской интеграции // Вопросы политологии. – 2019. – № 1 (41) – Т. 9. – С. 111–122 (0,7 п. л.).

Статьи в научных сборниках и журналах:

18. Усиление России и укрепление Киргизии не нравится многим нашим конкурентам и недоброжелателям // Деловой собеседник: Междунар. информ.-аналит. журн. – 2014. – № 46. – С. 20–25 (0,5 п. л.).
19. Киргизстан – Россия: новые горизонты отношений // Деловой собеседник: Междунар. информ.-аналит. журн. – 2015. – № 53. – С. 12–14 (0,5 п. л.).
20. Россия – крупнейший донор Киргизстана // Деловой собеседник: Междунар. информ.-аналит. журн. – 2016. – № 54. – С. 78–80 (0,5 п. л.).
21. Евразийские приоритеты внешней политики России // Научный диалог: Вопросы философии, социологии, истории, политологии: Сб. науч. тр. по мат-лам IX междунар. науч. конф. / Международная научно-исследовательская федерация «Общественная наука». – 2017. – С. 11–16 (0,5 п. л.).

22. Гражданское общество России в реализации евразийского интеграционного проекта // Евразийский союз: вопросы международных отношений. – 2017. – № 2 (20) . – С. 22–29 (0,6 п. л.).
23. Военно-политическое сотрудничество и евразийская интеграция // Евразийский союз учёных. – 2017. – № 9-2 (42) . – С. 33–36 (0,5 п. л.).
24. Российско-киргизские отношения в контексте евразийской интеграции // Евразийский союз учёных. – 2017. – № 9-2 (42). – С. 36–39 (0,5 п. л.).
25. Россия продолжит оказывать помощь Киргизстану // Индустриальный Кыргызстан: Информ.-аналит. журн. – 2017. – № 13. – С. 21–25 (0,5 п. л.).
26. Россия и Кыргызстан вместе прошли большой путь // Деловой собеседник: Междунар. информ.-аналит. журн. – 2017. – № 56. – С. 32–37 (0,5 п. л.).
27. Сравнительный анализ внешнеполитических подходов США и России к современному миропорядку // Научный диалог: Вопросы философии, социологии, истории, политологии: Сб. науч. тр. по мат-лам XIV междунар. науч.-практ. конф. 1 октября 2018 г. / ЦНК МОН. – 2018. – С. 32–39 (0,5 п. л.).
28. Стратегическое присутствие как инструмент внешней политики России на евразийском пространстве // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество: Ежегодник: В 2 ч. – Вып. 1 / ИНИОН РАН; Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В. И. Герасимов. – М., 2018. – С. 108–111 (0,5 п. л.).
29. Участие гражданского общества в реализации евразийского интеграционного проекта // Политика развития, государство и мировой порядок: Мат-лы VIII Всерос. конгресса политологов. Москва. 6–8 декабря 2018 г. / Под общ. ред. О. В. Гаман-Голутвиной, Л. В. Сморгунова, Л. Н. Тимофеевой. – М.: Аспект Пресс, 2018. – С. 284–285 (0,5 п. л.).

Крутько Андрей Андреевич

**ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА
СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
ЕВРАЗИЙСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ**

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
доктора политических наук

Подписано в печать 22.03.2019 г.
Объём 3,25 п. л. Формат 60x84^{1/16}
Тираж 150 экз. Заказ № 147

Отпечатано в типографии КРСУ
720048, г. Бишкек, ул. Анкара, 2а

